Большой террор: тюменские хроники

30 октября в Тюмени наверняка будет холодно. Прохожие будут спешить по своим делам, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра в отворотах пальто. И вряд ли кто-то обратит внимание на кучку стариков, собравшихся на внутреннем дворике библиотеки ТюмГУ. Но и они, кажется, не замечают ничего вокруг. Ведь это их день – День памяти жертв политических репрессий.

Террор приходит в Тюмень

Осенью 1919 года в Тюмень пришёл террор. Правда, в отличие от современных и уже привычных злодеев наших дней, их предшественники не скрывали лица за чёрными масками, джихаду предпочитали мировую революцию, а руки их не пахли гексогеном. Они вообще были чистыми, эти руки – по крайней мере, так утверждал основатель советской госбезопасности Феликс Дзержинский.

О том, что такое красный террор Тюмень узнала ещё в феврале 1918 года, когда в город ворвался 1-й Северный летучий морской карательный отряд под командованием Запкуса. Пламенный революционер, которому, по словам современников, едва исполнилось 18, начал сыпать грозными приказами. Введя в городе военное положение, он объявил, что будет «в два счёта на глазах у всех» расстреливать врагов революции и для начала наложил на крупнейших тюменских предпринимателей контрибуцию – два миллиона рублей золотом. В случае невыполнения – расстрелять по списку: Колмаков, Колокольников, Гусева, Жернаков…

По счастью, жить всем этим «летучим» и «карательным» оставалось совсем недолго – месяц спустя они были ликвидированы постановлением Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК). А в сентябре 1919 года, вскоре после возвращения красных войск, ранее выбитых белочехами, Губчека появилась и в Тюмени.

Чистые руки, горячее сердце…

Новоявленные тюменские чекисты время даром не теряли – аресты и расстрелы начались с первых же дней, спецпаёк «рыцари революции» отрабатывали на совесть. Впрочем, пайком они не ограничились, увлекшись любимым делом террористов всех времён – реквизициями. Через их руки проходили огромные ценности, изымаемые у «контры», «пособников» и просто местных богачей, – золото, бриллианты, жемчуга. Казалось, тюменские чекисты устроили негласное соревнование: кто больше украдёт на страже революции. Председатель губчека Комольцев похитил две пары золотых часов, браслет, кольца и цепочку. Начальник тобольского отделения прикарманил жемчужное ожерелье, часы, кольца и брошку, а один из комиссаров обнаглел настолько, что сделал себе из награбленного золота и серебра красноармейский значок.

В итоге к «чистым рукам» прилипло столько, что уже месяц спустя в Тюмень прибыла особая следственная комиссия из центра, а ещё через полгода герои красного террора отправились в лагеря. Вообще-то их должны были расстрелять, но как раз в это время советская власть отменила смертную казнь – советский суд уже тогда начал обретать черты «самого гуманного и справедливого суда в мире».

Ошибка Кольки Цыгана

Новый председатель Тюменской Губчека Фёдор Степной, по-видимому, учёл печальный опыт своего предшественника и действовал более осмотрительно. Во всяком случае, он продержался на своём посту целых полгода, пока не был переброшен в Астрахань. Именно под его руководством была проведена одна из первых удачных операций тюменских чекистов – ликвидация банды Кольки Цыгана. Главарь шайки распоясался настолько, что,

казалось, в городе было две власти – советская и бандитская. Устранить конкурента решили проверенным способом – ловлей «на живца».

В тот зимний день из поезда Москва-Тюмень вышел солидный господин в дорогой шубе, блестящих ботинках и с двумя телохранителями, тащившими огромные жёлтые чемоданы. Не приметить такого франта среди общей разрухи, серости и нищеты было трудно. Приезжие сели к первому же извозчику, даже не спросив цены, а по дороге живо интересовались местной торговлей, ценами на сырьё и мануфактуру. «Наживка» сработала в тот же вечер: «купцам» предложили выгодную сделку и назначили место – пятая верста Ялуторовского тракта. На следующее утро две подводы поравнялись в условленном месте… Колька Цыган понял свою ошибку только когда «коммерсанты» выхватили стволы из-под шуб, но было уже слишком поздно. Главарь банды был застрелен на месте, остальных ждали камеры Губчека.

Всё идёт по плану

Кстати, находились они вовсе не на ул. Семакова, это здание «органы» получили позднее. Первые же тюменские чекисты трудились в роскошном особняке по ул. Ишимской (ныне - Ордожникидзе, 1), конфискованном у купца Жернакова. Этот коммерсант после революции благоразумно покинул страну и окончил свои дни двадцать лет спустя в китайском Харбине. Сегодня его внучка Ольга Йокояма, профессор Калифорнийского университета, родившаяся в Японии, частенько приезжает в Тюмень – изучает историю предков. Тех же, кто не обладал такой прозорливостью и остался на родине, ожидала участь куда более печальная.

Советская Россия была страной плановой и касалось это не только экономики. Как оказалось, планировать можно было всё, включая убийства. Как установил краевед Александр Петрушин, погром 1937 года начался с того, что 3 июля Политбюро ЦК ВКП(б) «предложило» (любили тогда эту мягкую формулировку) секретарям обкомов представить в пятидневный срок даже не список, а только количество подлежащих расстрелу и высылке. Задание выполнили досрочно: уже четыре дня спустя из Омской области (куда входил наш край) поступило предложение – расстрелять 479 человек и отправить в лагеря 1959.

Центр план утвердил и заодно округлил показатели, предписав расстрелять 1000 человек и посадить 2500. Начали с местного руководства – а чего мелочились-то, сообщников покрывали?! По ходу операции сменится ещё несколько составов, а каждый последующий чекист будет беспощаднее предыдущего. В итоге 10 декабря в Москву отправился победный рапорт: расстреляно 11 050 человек, в лагеря отправилось 5 004. И приписочка с просьбой разрешить увеличить расстрельный лимит ещё на 50 человек – раз уж выявили, не отпускать же врагов народных?! Просьбу удовлетворили, а весной 1938 года накинули ещё 1000 – напоследок под нож пошли сами чекисты, сделавшие свою грязную работу.

Первый – в затылок, контрольный – в висок

К этому времени карающая рука пролетариата в очередной раз поменяла название, превратившись в НКВД, – народный комиссариат внутренних дел. Тюменское отделение НКВД размещалось в доме купца Брюханова, на руинах которого недавно построена библиотека ТюмГУ. Здесь выписывали ордера на арест, здесь проводили допросы, тут же в подвале и расстреливали. Первый массовый расстрел в Тюмени, как выяснил журналист Рафаэль Гольдберг, произошёл 5 мая 1937 года. В этот день в подвале НКВД младший лейтенант Дмитрий Ляпцев расстрелял 10 человек. С тех пор аресты и убийства происходили ежедневно, точнее еженощно. «Работы» было столько, что к допросам привлекали милиционеров, пожарных, а порой даже грамотных уборщиц. Имитацией суда занималась «тройка» (председатель облисполкома, секретарь обкома и начальник управления НКВД), которая просто утверждала списки, скопом – порой по 50-60 человек за раз.

Годы спустя старик Ляпцев отмечал не без гордости, что в Тюмени расстреливали «культурно». Осуждённый проходил в комнату с обитыми стенами, заслушивал приговор, вставал на колени и получал пулю в затылок. Потом контрольный – в висок. Труп поднимают, уносят за перегородку – следующий! Хоронили ночью, тайком, на Затюменском кладбище и на окраине Текутьевского. Первое потом снесли под асфальтобетонный завод, часть второго ушла под ДК «Геолог» и бульвар.

«На братских могилах не ставят крестов и вдовы на них не рыдают…» - это и о них тоже, о жертвах самого странного в мире террора, объявленного государством собственному народу. Здесь нет крестов, потому что нет и самих могил, хотя бы и братских. Есть только память в душе, неутихающая боль в сердце, да холодный камень с надписью: «Никогда больше!».